





**ЛЕГЕНДЫ
БАНДИТСКОГО
ПЕТЕРБУРГА**

АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ

СВОЙ-
ЧУЖОЙ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К65

Дизайн Юлии Межовой

В оформлении обложки использована фотография
с ресурса *Shutterstock*, автор *Igor Litvyak*

Константинов Андрей Дмитриевич

К65 Свой — чужой: [роман] / Андрей Константинов.—
Москва: Издательство АСТ, 2022.— 669, [1] с.— (Легенды
бандитского Петербурга).

ISBN 978-5-17-146432-5

Сотрудника уголовного розыска Валерия Штукина внедряют в структуру бывшего криминального авторитета, а ныне крупного бизнесмена Юнгерова. Тот, в свою очередь, направляет на работу в милицию Егора Якушева, парня, которого воспитал, как сына. С этого момента судьбы двух молодых людей начинают стягиваться в туже узел, развязать который практически невозможно...

Для Штукина юнгеровская система постепенно становится более своей, чем родная милицейская...

Егор Якушев успешно служит в уголовном розыске.

Однако между молодыми людьми вспыхивает конфликт...

«Со времени написания романа „Свой — Чужой“ минуло полтора десятка лет. За эти годы изменилось очень многое — и в стране, и в мире, и в нас самих. Тем не менее этот роман нельзя назвать устаревшим. Конечно, само Время, в котором разворачиваются события, уже можно отнести к ушедшей натуре, но не оно было первой производной творческого замысла. Эти романы прежде всего о людях, о человеческих взаимоотношениях и нравственном выборе.

„Свой — Чужой“ — это история про то, как заканчивается история „Бандитского Петербурга“. Это время умирания недолгой (и слава Богу!) эпохи, когда правила бал главари ОПГ и те сотрудники милиции, которые мало чем от этих главарей отличались. Это история о столкновении двух идеологий, о том, как трудно порой отличить „своих“ от „чужих“, о том, что в нашей национальной ментальности свой или чужой подчас важнее, чем правда-неправда.

А еще «Свой — Чужой» — это печальный роман о невероятном, «арктическом» одиночестве».

Андрей Константинов

© Андрей Константинов, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени написания романов «Тульский — Токарев» и «Свой — Чужой» минуло полтора десятка лет. За эти годы изменилось очень многое — и в стране, и в мире, и в нас самих. Тем не менее, я считаю, что эти романы нельзя назвать устаревшими. Конечно, само Время, среду, в которых разворачиваются события, уже можно отнести к ушедшей натуре, но не они были первой производной творческого замысла. Эти романы прежде всего о людях, о человеческих взаимоотношениях и нравственном выборе. Работая над ними, я пытался добиться ощущения максимальной сопричастности к происходящему, с тем, чтобы по прочтении у читателя осталось послевкусие в виде невольного размышления о том, как бы он сам поступил, оказавшись в подобных ситуациях. Да, как автор я даю ответы на этот вопрос, но это вовсе не означает, что эти ответы правильные. В идеале читатель должен решить для себя сам.

Знаю, многие современные читатели воспринимают меня в первую очередь как создателя литературной основы телевизионной криминальной саги «Бандитский Петербург», действие которой разворачиваются на фоне лихих 90-х. Мне подобное восприятие не очень нравится. Но так оно сложилось, и при таком подходе можно сказать, что роман «Тульский — Токарев» — это, условно говоря, предисловие к 90-м, а «Свой — Чужой» — эпилог к ним. К слову, оба романа также были экранизированы, поэтому читатель, заботами загруженный или просто ленивый, может их не прочесть, а посмотреть. Но лично я от этих экранизаций не в восторге, мне кажется, в обоих случаях создатели так и не поняли основные идеи романов.

«Тульский — Токарев» — это история про Абсолютное Зло, с которым можно справиться лишь одним способом — всем миром навалившись. Да и тогда не факт, что получится. Плюс в данном случае мне захотелось поиграть в настоящего маньяка, так что этот роман — определенно рода фантазия, но фантазия, основанная на абсолютных реалиях ленинградского уголовного розыска. В этой связи мне было лестно узнать, что «Тульский — Токарев» стал в определенной степени культовой книгой в среде сотрудников уголовного розыска, чего я, признаться, никак не ожидал.

А вот «Свой — Чужой» это история про то, как заканчивается История. Здесь — не по-фукуямовски, а по... «бандитско-петербургски». Это время умирания недолгой (и слава богу!) эпохи, когда правили бал главари ОПГ и те сотрудники милиции, которые мало чем от этих главарей отличались. Это история о столкновении двух идеологий, о том, как трудно порой отличить «своих» от «чужих», о том, что в нашей национальной ментальности «соблазн товарищества» (по Толстому), свой или чужой подчас важнее, чем правда-неправда. А еще «Свой — Чужой» — это печальный роман о невероятном, «арктическом» одиночестве Героя, чего опять-таки не поняли создатели одноименного сериала.

*Андрей Константинов
Санкт-Петербург
20 декабря 2021 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Обычно предисловие к книге писать значительно легче, чем саму книгу,— оно и понятно: и объем поменьше, и задача — попроще...

Но в данном конкретном случае, честно скажу, я изрядно помучился именно с написанием предисловия. Нет, книга тоже давалась нелегко — и не мне одному, кстати, потому что роман «Свой — чужой», как и «Тульский — Токарев», мы делали вдвоем с моим другом еще с университетских времен Евгением Вышенковым.

Сразу хочу оговориться: «Свой — чужой» — это не продолжение «Тульского — Токарева». «Свой — чужой» скорее продолжение разговора на тему, поднятую в «Тульском — Токареве», но продолжить этот разговор мы решили в несколько ином ракурсе. Возникает вопрос — если разговор, то с кем, собственно? На этот вопрос ответить как раз легче всего — с Вами, Уважаемый Читатель, только с Вами...

С другими вопросами сложнее. Предполагается, например, что в предисловии автор должен кратко объяснить — о чем, собственно говоря, книга? Чтобы получить полный и развернутый ответ на этот вопрос, нужно просто прочитать книгу. Ну а если не прятаться за спасительную формулу: «Читайте роман, там все написано»? Если не прятаться — тогда, наверное, станут понятными мои сетования на то, что писать предисловие было трудно...

«Свой — чужой» — это не детектив и не боевик. И это не «производственный роман», где рассказывается о технологии внедрения сотрудника МВД в «мафию» и о технологии обратного процесса — внедрения человека «мафии» в МВД.

Мы с Евгением старались написать книгу о жизни, но так, чтобы ее интересно было читать.

Если коротко, то «Тульский — Токарев» — это роман о мужской дружбе и воинской доблести, а «Свой — чужой» — книга о мужской вражде и о столкновении разных «правд жизни». «Свой — чужой» в какой-то мере — роман о том, какой тяжелой и кровавой может быть дорога к раскаянию,

к попыткам понять, что мир не делится просто на «белых» и «черных».

Нам с Евгением хотелось рассказать историю о красивых людях, красивых, несмотря на то что каждый из главных героев — ошибается, ошибается каждый по-своему, но цена ошибки каждого — очень высока.

Наверное, книга в целом получилась грустной, хотя я надеюсь, что некоторые страницы заставят Вас, Уважаемый Читатель, и улыбнуться. Очень не хотелось делать очередную бандитско-милицейскую «штамповку» — и не авторам судить, насколько они смогли справиться с этой задачей...

Любопытна история написания романа «Свой — чужой». К этой работе нас с Евгением в какой-то мере подтолкнула одна очень уважаемая компания, производящая кинофильмы и телесериалы. Эта компания очень хотела в свое время купить права на экранизацию «Тульского — Токарева», но опоздала, договор был заключен с другой фирмой. И тогда мне было сделано необычное предложение, что называется «втемную», — предложение о приобретении прав на следующее, еще не написанное произведение... Такое в моей практике случилось впервые. Это обстоятельство нас с Евгением ко многому обязывало. Нам не хотелось подводить людей, поверивших в нас «авансом». Мы понимали, что в данном случае выкладываться нужно, может быть, даже больше, чем в обычном режиме.

И вообще, несмотря на то что сама задумка «Своего — чужого» появилась достаточно давно, — неизвестно, сколько бы мы с Евгением «раскачивались», если б не необычные предложения московских кинопроизводителей.

Мы надеемся, что в скором времени сумеем увидеть экранизацию нашего романа.

А напоследок скажу еще вот что: если какие-то эпизоды в романе «Свой — чужой» покажутся кому-то очень похожими на некие события, случившиеся в реальной жизни, — «делов не знаю», это всего лишь совпадения. И еще: не стоит усматривать в романе даже попыток некоего морализаторства...

*Андрей Константинов,
18 ноября 2004 года*

I. ЮНГЕРОВ

13–15 января 2000 г., Санкт-Петербург

...«Гости съезжались на дачу»... В принципе, эту историю можно было бы начать и так — в доброй классической манере, но... Но тогда сразу же, с первых же строк, пришлось бы чуть-чуть погрешить против истины. Дело в том, что гости не съезжались на дачу, — их свозили.

Маленькая такая деталь, но, как известно, именно в деталях и прячется дьявол...

Итак, гостей свозили на дачу... Впрочем, это была и не совсем дача. Это было... Черт его знает, что это было такое и какое именно слово лучше всего подходило к загородному... дому... нет, не дому... сооружению, принадлежавшему Александру Сергеевичу, — и опять же не Пушкину, а Юнгеру — «человеку и пароходу», известному в Петербурге все же чуть меньше, чем классик русской поэзии. Зато даже Пушкину, обладавшему, как и многие гении, даром предвидения и способностью опережать время, вряд ли бы (пусть и в творческих грезах) привиделась огромная домина господина Юнгера — четырехэтажная плюс один этаж под землей.

Строение это начали возводить еще в самом начале девяностых, когда вкусы и возможности даже у самых «продвинутых» в Питере были все же советскими. Потом вкусы и финансовые возможности начали меняться, а домину все строили и строили, меняя проекты на ходу. Грандиозное строительство, напоминавшее чем-то возведение пирамиды серьезным фараоном, не прекращалось даже после того, как хозяин сел в конце девяносто второго года. Сел господин Юнгер за «вымогательство

в составе организованной группы» и получил, между прочим, семь лет — а в те времена нужно было очень постараться, чтобы получить такой срок за вымогательство. Сия «чисто бандитская» статья в те лихие годы по сложившейся практике оборачивалась для привлеченной по ней братвы тремя (ну в крайнем случае — четырьмя) годами в приговоре. Но семь... Крепко, видать, насолил Юнгеров со своей командой кому-то наверху, поговаривали в бандитском Петербурге...

Освободившийся по УДО Александр Сергеевич влил новые деньги, энергию и идеи в возведение загородного особняка, и примерно за год до описываемого сейчас события «стройка века» в основном завершилась. «В основном» — так как совершенно она закончиться не могла в принципе: Юнгеров не позволил бы, ему все время приходили в голову новые и новые идеи разных переделок, дополнений и т. д. и т. п. Такой уж он неутомонный был человек, вечная стройка отражала состояние его души, и если строить было больше нечего, то Александр Сергеевич с тревогой ощущал признаки надвигавшейся меланхолии.

С учетом всего этого домина вышла, мягко говоря, необычной. Получился этакий поражающий воображение гибрид рыцарского замка, купеческого терема и современного европейского дома... Разумеется, все это великолепие было окружено огромным парком, границы которого очерчивали едва ли не крепостные стены и — берег очень красивого карельского озера. В парке, само собой, было полно разных бань, беседок, охотничьих домиков и летних кухонь — даже сам господин Юнгеров назвал бы точное число этих подсобных сооружений лишь после небольшой заминки.

Александр Сергеевич свое загородное имение называл «Аэродромом», что было неудивительно, так как его само-го в определенных кругах именовали Юнкерсом. Господин Юнгеров в последнее время, представляясь разным интересным людям — возможным партнерам и про-

сто состоявшимся личностям с нормальным чувством юмора,— величал себя «бывшим бандитом, а ныне — мирным магнатоолигархом». Если собеседник в ответ на такую саморекомендацию по-человечески улыбался, то он становился Александру Сергеевичу интересен и у знакомства появлялась взаимointересная перспектива — либо деловая, либо «отношенческая». С теми же, у кого Юнгеров после своей коронной фразы видел в глазах тень опасения, он старался знакомство не продолжать.

К рубежу тысячелетий Юнкерс подлетел не только с багажом интересной биографии. Мир изменился — изменился и Александр Сергеевич. Гангстерские войны, заливавшие Питер кровью в начале и середине девяностых, отгремели. Выжившие в них лидеры должны были становиться капиталистами, если хотели выжить «социально». Юнгеров быстро научился зарабатывать, а не «отбивать лавэ завтра». Ему стали интересны проекты с глубокой перспективой в будущем. Команда Юнкерса, не распавшаяся после посадки лидера и большинства его окружения, сумела перерастить из преступного сообщества в настоящую финансовую структуру. «Мы теперь — мирные люди,— шутил по этому поводу Юнгеров,— но у нас есть бронепоезд, он на ходу, а на каком запасном пути мы его прячем — мы никому не скажем»¹. Империя Александра Сергеевича включала в себя рынки и магазины, заводы и кинотеатры, она проводила престижные теннисные турниры и создавала фонды для математически одаренных детей. Биографию свою Юнгеров никогда ни от кого не скрывал и не пытался «подчистить», однако потратил достаточно сил, средств и нервов, чтобы питерские СМИ, после нескольких выигранных адвокатами Юнкерса судебных процессов, называли его не иначе как «авторитетным предпринимателем», а не «одним из лидеров бандит-

¹ Каламбур вокруг строчек известной советской песни «Калашник»: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

ского Петербурга». Да и вообще к двухтысячному году в Питере в определенных кругах вспоминать об «интересном прошлом серьезных людей» стало признаком невоспитанности. С Александром Сергеевичем считались, с ним имели дела и политики, и чиновники самого высокого уровня — а куда им было деваться? Обойти такую глыбищу было трудно... да и стоило ли? Империя Юнкерса платила государству колоссальные налоги, и государство эти деньги принимало... И все же... Иногда Юнгерову, несмотря на все богатство и на все возможности, которые даже и не снились обыкновенному человеку, чудился порой шепоток за спиной: «Бандит...» В глаза, конечно, никто ничего не говорил, но... Наверное, похожие ощущения испытывали раньше приписные дворяне, попав в общество столбовых,— все очень вежливо, но...

Стало быть, гостей свозили на «Аэродром Юнкерса». Свозили — не потому, что насильно, и не потому, что гости сами бы не смогли добраться — у большинства приглашенных, конечно же, имелись и собственные машины, а у некоторых — и персональные шоферы... Но — Александр Сергеевич не мог позволить гостям в этот день, когда по всей России празднуют старый Новый год, добираться своим ходом. Господин Юнгеров собирались гулять — и не просто гулять, а с выходом, заходом и чечеткой. Дело в том, что именно в этот день Александра Сергеевича угораздило родиться. И именно в двухтысячном году ему исполнилось ровно сорок лет. Надо сказать, что Юнкерс никогда свои дни рождения особо широко не отмечал, а иногда не отмечал и вовсе. А тут вдруг решил, и не просто решил, а «чтоб все взрослому было». Поэтому гости были предупреждены заранее о том, что за ними заедут, и о том, чтобы не рассчитывали откланяться ранее чем через день. По такому случаю отказать Александру Сергеевичу никто не смог, потому что собирал он не абы кого, а людей близких, почти родных, тех, кого любил и кто любил его. Причем приглашал Юнкерс персонально — без мужей-

жен, с которыми вопросы заранее «утрясались» — в каждом случае по-разному, но всякий раз без ущерба для приглашенного. Юнгеров и его люди умели объяснять и убеждать не только силой, но и обаянием.

Всех гостей свезли к «Аэродрому» почти синхронно и торжественно препроводили в огромную залу — кухню, стены которой были сложены из гранитных валунов. («Моя кухонька,— любил иногда похвастаться Юнкерс,— легко атомную войну переживет!»)

На стол, больше похожий на волейбольную площадку, поставили много всякого разного...

(Когда повар спросил, как накрывать, и начал было перечислять что-то, Юнгеров разозлился:

— Что ты мне своим образованием манерным тычешь?! Ты пойми: надо, чтоб с душой... Придут друзья, родные мне люди, близкие женщины... Надо, чтоб вот как... Не так, чтоб черную икру ложками, а... чтоб тоже ложками, но... Короче! Ты же у нас по заграницам учился? Ну и давай! Некоторые будут из небогатых, но надо, чтоб и они... Понял?

— Чего уж тут не понять,— вздохнул специалист по разным кухням, которому Юнгеров не разрешал лишь картошку на сале жарить, и отправился «колдовать». Колдовал он трое суток.)

Когда все расселись, хозяин встал во главе стола и обвел гостей глазами. Стало тихо. Александр Сергеевич вдруг потянулся с хрустом всем своим громадным сухим телом, смешно сморщил курносый нос. Прищурил зеленый глаз, провел рукой по коротким с проседью волосам, кашлянул и начал:

— Граждане!

По залу плеснул смешок. Александр Сергеевич чуть смутился, но тут же продолжил:

— Дамы и господа! Товарищи! Ну, не умею я речей говорить, дорогие мои. И вести себя прилично не научился — так, чтоб в собственном доме это органично получалось. Недолго позаставлять себя могу — это если